

— О? Если, по мнению Великого Наставника, это не дело рук князя Чжао, то, может быть, это князь Чэнь, который, не сумев склонить служанку, жестоко убил её, а затем, когда всё раскрылось, подставил князя Чжао? — Сяо И сохранял полное спокойствие, словно мимоходом втягивая в эту историю собственного сына.

— Этот старый слуга полагает, что князь Чэнь — подлинный сын императора. Если бы он действительно возжелал Цзяо Ну, зачем было принуждать её? Стоило лишь доложить Драгоценной наложнице Лань, и дело было бы улажено. Разве стали бы служанки отказываться стать наложницами князя, предпочитая всю жизнь оставаться в рабстве? Князь Чжао действует открыто, князь Чэнь добр и прямодушен — ни тот, ни другой не способны на подобное. — Цзи Ланфэн, не обращая внимания на помрачневшее лицо Сяо И, продолжал излагать своё мнение.

— Если князь Чжао не пытался подставить, а князь Чэнь не вел себя неподобающе, то, выходит, Цзяо Ну сама украла нефритовый кулон князя Чэня и бросилась в колодезь? — с холодной усмешкой спросил Сяо И.

— Этот старый слуга считает, что Вашему Величеству следует вывесить императорский указ: объявить, что для важных государственных дел требуются люди, умеющие подражать чужим почеркам. Их надобно собрать и испытать, дабы подтвердить правоту моих догадок. Если кто и подделывал почерк князя Чжао, то, верно, его уже убили, чтобы замести следы. Но такой шаг послужит предупреждением для заговорщиков, дабы они не дерзали действовать опрометчиво.

Сяо И кивнул:

— Пусть будет так. Но как же доказать невиновность князя Чэня?

— По правде сказать, Ваше Величество, у меня есть одна мысль, но я не смею высказать её вслух, если только Вы не простите меня заранее.

— Ты — старший сановник трёх поколений, к чему эти уловки? Я прощаю тебя, говори без опаски.

— Этот старый слуга помнит, что нефритовые кулоны князей вырезаны из тёплого нефрита — той самой государственной реликвии, что была добыта генералом Гу при взятии королевской столицы Эрхая. По Вашему повелению вырезали семь кулонов, и весь материал был израсходован. Камень сей уникален: зимой от него веет лёгким теплом, а летом — прохладой. Ныне стоит глубокая зима. Если князь Чэнь действительно утверждает, что носил сей кулон вплоть до визита к князю Цинь и лишь тогда обнаружил пропажу, и если слова его правдивы... то он непременно заметил бы, будь кулон иным. Посему я полагаю, что, возможно, он действительно носил тёплый нефрит.

— Но как же объяснить тёплый нефрит в руках Цзяо Ну? — спросил Сяо И.

— Этот старый слуга думает, что тёплый нефрит на князе Чэне мог и не быть его собственным кулоном с карпом кои. — С этими словами Цзи Лань уже поднялся на ноги.

— Великий Наставник хочет сказать, что кулон мог принадлежать другому князю? Но это же безрассудно! Вдруг Чжэн заметит? Неужто это не верная гибель? — Выслушав его, Сяо И тоже встал.

Цзи Лань ответил:

— Ваше Величество, в ратном деле порой приходится идти на риск!

— Понял. Великий Наставник, можешь удалиться.

Цзи Лань почтительно поклонился и удалился, оставив Сяо И наедине с мыслями в Чертоге Двойного Великолепия. Целый час император размышлял, не находя покоя, затем принялся ходить взад-вперёд по залу и лишь спустя долгое время позвал внука Чжана:

— Сейчас же прикажи всем князьям немедленно сдать свои нефритовые кулоны. Также вели вывесить императорский указ: Храму Дали для решения дела требуются люди, искусные в подражании почеркам. Всякому, кто обладает таким умением, будет выдано сто лянов серебра.

На следующий день глава Храма Дали Мэн Гуанбинь был вызван во дворец. Он застал Сяо И в одиночестве. На соседнем подносе лежали семь нефритовых кулонов, а рядом на коленях стоял один человек.

Увидев Мэн Гуанбиня, Сяо И не стал тратить слов на предисловия и обратился к стоящему на коленях:

— Повтори сказанное.

— Слушаюсь, Ваше Величество. Низший — потомок рода резчиков по камню, имя моё Ши Сян. Нефритовые кулоны, что Вы изволили показать, были вырезаны моим отцом, Ши Чуанем. Низший уже осмотрел все семь кулонов, и лишь на одном, кажется, недавно были произведены манипуляции.

Мэн Гуанбинь сразу понял, что дело касается Цзяо Ну, и, видимо, кулон в её руках таил в себе нечто особенное.

Сяо И махнул рукой:

— Продолжай.

Ши Сян продолжил:

— Низший обнаружил, что из семи кулонов лишь на одном имеются следы дымчатой глины.

— Чем же примечательна сия глина? — спросил Мэн Гуанбинь, уразумев, что здесь-то и кроется разгадка.

— Глина сия воды не боится, легка и может быть нанесена на нефрит тонким слоем для последующей резьбы. Слой столь тонок, что на ощупь его крайне трудно обнаружить.

— Ваше Величество, выходит, кто-то нанёс на кулон дымчатую глину, вырезал поверх неё карпа кои и вручил князю Чэню для ношения, дабы тот не заметил подмены? Так что же, Ши Сян, в чём особенность сей глины?

— В ответ Вашему Величеству и господину: дымчатая глина сохраняет свойства лишь трое суток. Если за это время не смыть её водой, в которой полоскали рис, она намертво въедается в нефрит, и очистить его полностью уже невозможно. Даже если смыть в срок, цвет камня на несколько дней потускнеет, и потребуются трое суток на солнце, чтобы вернуть ему прежний вид. В противном же случае на восстановление уйдёт три месяца. Нынешний же кулон, хотя глину с него и смыли, на солнце не выставляли, посему низший и смог обнаружить следы.

— Ши Сян, можешь удалиться, — сказал Сяо И.

Мэн Гуанбинь, дослушав до этого места, понял: император более не желает углубляться в расследование. Он не посмел вымолвить ни слова и лишь замер в почтительной позе.

Сяо И долго смотрел на него, наконец изрёк:

— Дело князя Чжао более не требует разбирательства. Ныне я поручаю тебе иное: приставь к Ши Сяну надёжных людей, да следи за ним в оба! С кем он видится, куда ходит — всё надобно выяснить досконально.

Мэн Гуанбинь склонился:

— Принято к исполнению, Ваше Величество!

После его ухода Сяо И в одиночестве покинул Чертог Двойного Великолепия и направился в Сад Отдыха, где провёл три часа, прежде чем выйти обратно.

Сдав свой кулон, Сяо Лян пребывал в тревоге. Он вновь и вновь вспоминал, как Сяо Чжэн в его покоях обнаружил пропажу кулона: тот дёрнулся от внезапного испуга, и испуг сей явно не был притворным. Всякий раз, вспоминая, как Сяо Чэн с детства относился к нему с добротой, он не мог — просто не мог! — поверить, что Сяо Чэн и впрямь использовал кулон Сяо Цзе, дабы привлечь его внимание к Павильону Пышных Цветов и тем погубить Сяо Чжэна.

В последнее время случилось столь многое, что ему становилось всё труднее что-либо понимать, а в душе царила полная сумятица. Собираясь покинуть дворец, он вспомнил о недавнем происшествии в Павильоне Ифэн — и забеспокоился пуще прежнего, так что прислуживавший рядом евнух Линь не на шутку встревожился.

— Ваше Высочество, вы так беспокойны — не сходить ли вам взглянуть на строительство новой резиденции? Говорят, работы почти завершены, и, быть может, вскоре после Нового года вы сможете туда переехать. Этот старый раб помнит, что это бывшая усадьба вашего деда по матери, господина Ян Юйшу — Янтяньфу.

— Линь-гунг, — спросил Сяо Лян, — а ты видел моего деда?

— Нет, Ваше Высочество, этому низкому рабу не выпала такая честь. Но евнух Сюй сопровождал Наложницу Хуэй, когда та навещала родных, — должно быть, он видел его.

— Позови Сюя. Я хочу его расспросить.

— Этот старый раб здесь, — раздался голос, и в покои вошёл евнух Сюй. — Я только что отлучался — смотрел, готов ли отвар для Вашего Высочества, потому и не смог вовремя предстать перед вами.

— Все твердят, что мой дед был воплощением верности и доблести, что весь его род пал, служа престолу. Но моя матушка при жизни почти не упоминала его. Расскажи мне сегодня всё, что знаешь.

Евнух Сюй замялся:

— Ваше Высочество, это дело... это дело...

— Что? Почему нельзя говорить?

— Умоляю Ваше Высочество о прощении! Если я скажу, мне не избежать смерти!

— Если не скажешь сейчас, я сам прикажу тебя казнить! — Чем больше Сяо Лян слушал, тем сильнее разгоралось его любопытство.

— Ваш раб повинуется.

Сяо Лян никак не ожидал, что истина, которую откроет ему евнух Сюй, окажется столь чудовищно иной, чем он представлял, — настолько кровавой, что на неё едва ли можно было смотреть без содрогания.

Сяо Лян с детства знал, что благосклонность, которой пользуется мать, чрезвычайно важна для принца, особенно же влияет на её положение в дворцовых стенах положение семьи её отца. У прочих принцев были могущественные родственники по материнской линии, служившие им опорой, его же дед всегда оставался лишь персонажем из рассказов. Помнится, в детстве он много раз расспрашивал мать о семье деда, но она всякий раз погружалась в уныние и не желала говорить.

Позже, когда Сяо Лян подрос, он узнал, что его дед, Ян Юйшу, был знаменитым сановником ещё при дворе предыдущего императора, человеком, в котором сочетались таланты воина и учёного, не знавшим себе равных в мудрости и стратегии. В те дни, когда прежний император занемог и, не приходя в сознание, скончался на обратном пути в столицу, Сяо И отправился навстречу драгоценным останкам, дабы принять императорскую печать и взойти на престол. Не ожидал он, что князь Нин, воспользовавшись моментом, поднимет мятеж, вступит в сговор с королевским кланом Эрхя и внезапно обрушит свои войска на столицу Цзянлин. Ян Юйшу со всем своим родом насмерть стоял на защите города, и, несмотря на многократное превосходство врага, героически продержался десять дней. И хотя в конце концов он дождался возвращения армии Сяо И, весь его род был истреблён до последнего человека. Мать Сяо Ляна, Наложница Хуэй из рода Ян, оказалась единственной уцелевшей отпрыской семьи Ян, и потому на протяжении многих лет, даже не пользуясь особой благосклонностью, она неизменно удостоивалась щедрого обращения со стороны Сяо И.

Янтяньфу и был той самой прежней усадьбой семьи Ян. Теперь же Сяо И велел перестроить её в новую резиденцию и пожаловал Сяо Ляну, и намерение его было более чем прозрачно.

<http://bllate.org/book/15946/1425647>